

У Тянь Вэня от злости чуть зубы не треснули, лицо исказилось в злобной гримасе:

— Где вы купили?

Тётушка Гэ не ответила ему, а просто выплеснула воду, которой мыла руки, за ворота — едва не окатив Тянь Вэня. Тот разразился бранью, но тут увидел, что муж тётушки Гэ вышел с ножом. Он сразу замолчал и, ругаясь себе под нос, пошёл прочь. Уходя, он всё слышал, как та тётушка без умолку приговаривала:

— Всего-то туншэн, а уже вообразил себя господином. Что такое? С таким-то отношением он в жизни не сдаст на сюэя!

Тянь Вэнь от злости пнул свой ларёк с парными надписями, и они разлетелись. Во всей деревне Хуайлин только он один был учёным человеком. Кто же ещё мог написать им парные надписи?

И тут он вдруг вспомнил, как несколько дней назад в посёлке Тянь Яо покупал бумагу и кисти. Тот калека, похоже, умел читать и писать. Так они, значит, спешили перехватить его заработок?

Он, кипя от злости, направился к дому Тянь Яо. Когда он вошёл в деревню, он увидел, что и другие деревенские — целыми группами — тоже идут в сторону дома Тянь Яо. Обычно безлюдная тропинка, ведущая к его дому, сегодня была полна народу.

Были и такие, кто его заметил. Но поскольку они от него ничего не ждали, то и относились к нему безо всякого почтения. Тянь Вэнь, с тех пор как получил звание туншэна, ходил по деревне зазнавшись, вечно тыкал своим званием, и явно или тайно сколько добра он у этих семей перетаскал.

Теперь в деревне Хуайлин, кроме него, Тянь Вэня, появился ещё один образованный человек, и ничуть не хуже.

Тянь Яо сначала не понял, почему вдруг к ним повалили люди, чтобы Юй Ян написал им парные надписи. Спросил — и узнал, что это из-за надписей, которые он отнёс к Лю Чжи.

Слух о беременности Лю Чжи уже разнёсся по всей деревне. Обычно в деревне говорят о таком только после того, как плод укрепитя. Но поскольку Лю Чжи и Тянь Яо были близки, Тянь Яо узнал раньше. В последние дни к Лю Чжи ходило много гостей, и он немного слукавил — когда приходили люди, он просил Чэнь Сюя достать те парные надписи, которые принёс Тянь Яо.

— Этот Яо-гэр, знает, что я сейчас соблюдаю покой и в посёлок не могу ехать. Сказал, что его муж умеет писать, и взял на себя наши парные надписи.

Я посмотрел— очень понравились!!

Остальные, увидев на надписях того толстого, улыбающегося младенца, тоже пришли в восторг

и тут же спросили:

— А он ещё пишет?

Лю Чжи сказал:

— Не знаю. Может, сходите спросите?

Тётушка Шунь как раз собиралась к Тянь Яо и ей он тоже подарил надписи. Те, кто пришёл к ней, увидели их и зашагали ещё быстрее.

Поэтому во дворе Тянь Яо в этот час было особенно людно.

Юй Ян писал всё увереннее. Каждая фраза была новой, он почти не повторялся. Только на то, чтобы пририсовать ещё пару штрихов, у него уже не хватало времени, но никто не возражал.

Всякий, у кого есть глаза, видел, что почерк Юй Яна во много раз лучше, чем у Тянь Вэня. С такими надписями на воротах, наверное, даже боги будут смотреть с удовольствием.

Тянь Вэнь, кипя от злобы, добрался до дома Тянь Яо. Он толкнул калитку с такой силой, что она громко хлопнула. Все во дворе обернулись на него.

Тянь Яо отреагировал первым. Нахмурившись, он подошёл к калитке:

— Ты зачем пришёл?

Тянь Вэнь ткнул пальцем в лицо Тянь Яо:

— Я не думал, что ты за эти два года только подрос в высоту, а чувство долга и чести совсем потерял.

Тянь Яо чуть не рассмеялся:

— Что ты имеешь в виду? Мы у себя дома пишем парные надписи — и это называется «потерять чувство долга и чести»?

— Это мой заработок, а вы его перехватили! — Тянь Вэнь указал на Юй Яна, который писал в стороне. — Калека вам пишет надписи! Вы не боитесь, что это принесёт несчастье?

Тянь Яо взвился, как разъярённая кошка. Он замахнулся кулаком на Тянь Вэня, но так и не опустил его ему на лицо:

— Я твой ларёк не опрокидывал. Кто у тебя перехватил заработок? И ещё раз скажешь «несчастье» — я сделаю так, что ты сам станешь настоящим несчастьем.

Тянь Вэнь всё же побаивался кулаков Тянь Яо. Он отступил на шаг:

— Тянь Яо, здесь столько народу, ты посмеешь меня ударить?

Тянь Яо и правда хотел его ударить, но больше не мог себе позволить платить. Тем более весной он хотел начать лечить ноги Юй Яна — нельзя было тратить деньги на такие вещи. Но ударить при всех нельзя, зато можно в безлюдном месте надеть на него мешок и отлупить.

— Вон из моего дома. Хочешь писать надписи — пиши у себя в ларьке. Тебе никто руки не отрубал и писать не запрещал. — Тянь Яо не хотел с ним спорить. Он боялся, что у Юй Яна от долгого писания заболят руки, и хотел помочь ему размять их, когда у того будет перерыв.

Но Тянь Вэнь стоял у калитки, вытянув шею, и смотрел, как пишет Юй Ян.

Юй Ян писал легко и свободно. Начав иероглиф, он не останавливался, пока не дописывал всю парную надпись. Тянь Вэнь думал, что от такой манеры письма надписи получатся неряшливыми и не сравнятся с теми, что он выводил старательно, с особым вниманием.

Но когда он увидел написанное Юй Яном, лицо его стало очень мрачным.

— Скажу прямо: мы не дураки. Мы хотим купить лучший товар за меньшие деньги. А как ты сам пишешь — тебе и так должно быть известно, — сказал один из деревенских гэров.

В деревне Хуайлин было два человека, которых стоило опасаться: один — Тянь Яо с его кулаками, а другой — дядюшка Ли, который отличался острым языком.

Дядя Ли уже давно недолюбливал Тянь Вэня. Думал: сдал на туншэна — и уже зазнался. А на деле он — никто. Взять хотя бы почерк — даже с мужем Тянь Яо не сравнить.

Тётушка Шунь, которая тоже была здесь, глядя на Юй Яна, не могла сдержать похвалы:

— Яо-гэр хорошо женился! Её муж не только писать умеет, но и болезни лечит! В прошлый раз мне нездоровилось, он дал мне несколько трав — после них я себя гораздо лучше чувствовала!

Вокруг несколько деревенских тут же спросили тётушку Шунь, правда ли это так хорошо помогает, и если да, то лечиться у них в доме будет намного удобнее?

Юй Ян поспешил сказать, что он на самом деле не врач, но разговор перекинулся на другую тему, и снова все принялись его нахваливать.

Тянь Вэнь не знал, уйти ему или остаться. Ради того, чтобы сегодня вернуться в деревню и писать надписи, он купил в посёлке много красной бумаги. Он взял у Ван Цуйхуа пятьсот монет. Если он не продаст ни одной надписи, Ван Цуйхуа с него шкуру спустит.

Он стоял на месте и насмешливо фыркнул:

— Вам просто дёшево хочется, да? Я напишу вам по две монеты за пару. Купите три — четвёртую получите в подарок.

Эти деревенские — они же любят халяву. По более дешёвой цене, он не верил, что они не придут к нему.

— Мы хотим сэкономить, но не хотим брать хлам, — снова вставил дядюшка Ли.

Тянь Вэнь злобно зыркнул на него и, решив уже не церемониться, подошёл к Юй Яну — посмотреть, сможет ли тот всегда писать так же хорошо.

Но едва он подошёл, как услышал голос Юй Яна:

— Господин Тянь, вы, кажется, жаловались, что серебро и медь имеют «медный запах» и оскверняют ваш книжный аромат? Если это для вас такая тягота, то не делайте того, что вас затрудняет. Разве это не будет вам на руку?

Тянь Вэнь воочию убедился, что значит «поднять камень и уронить себе на ногу». Он не мог возразить ни слова. Топнул ногой и выскочил со двора Тянь Яо.

Он просидел у своего ларька очень долго, но никто не пришёл к нему за надписями. Он был голоден. Раньше, когда он писал здесь надписи, деревенские всегда приносили ему что-нибудь поесть. А сегодня — ни кусочка. В конце концов он свернул ларёк, но идти домой боялся. Сначала он пошёл туда, где продавали красную бумагу, и, только изведя весь язык, смог её сдать. Взяв оставшиеся деньги, он пошёл пить в винный дом.

К полудню Юй Ян наконец немного отдохнул. Тянь Яо присел рядом, массируя ему руку и разминая пальцы, и озабоченно спросил:

— Руки не болят? Может, остальное не будем писать?

— Раньше мне приходилось писать гораздо больше, я не устал, — Юй Ян позволил ему делать всё, что тот хочет. Руки и правда немного ныли, но не настолько, чтобы не мочь писать.

— Я знаю, что если перетрудить руки, на следующий день их и поднять не сможешь, — нахмурился Тянь Яо. — Может хватит?

Но Юй Ян покачал головой:

— Нельзя быть человеком, который не держит слова. Раз обещал — надо сделать.

Тянь Яо скривил губы:

— Ладно, тогда вечером я тебе хорошенько помассирую.

— Через пару дней я начну учить тебя писать, — сказал Юй Ян.

Тянь Яо широко раскрыл глаза. Это были не удивление и радость, а скорее растерянность:

— Мне правда надо учиться?

— Хотя бы основные иероглифы нужно знать. Своё имя — и то надо уметь написать.

Тянь Яо, безжизненно глядя на улыбающееся лицо Юй Яна, спросил:

— А ты раньше говорил, что научишь меня стрелять из лука. Нельзя же бросать начатое.

Улыбка Юй Яна стала чуть более искренней:

— «Бросать начатое» — не совсем так говорят.

— Ну, смысл понятен.

Юй Ян успокоил его:

— Как весна наступит и можно будет ходить в горы, тогда и научу тебя стрелять. А завтра точно не смогу — руки болят.

При слове «руки» Тянь Яо снова забеспокоился:

— Тогда сейчас отдохни немного, после обеда допишешь.

Юй Ян не стал геройствовать и кивнул.

На обед Тянь Яо приготовил пампушки на пару и яичный суп. Он теперь готовил намного лучше. Поначалу Юй Ян еле глотал его стряпню, а теперь уплетал с аппетитом. Тянь Яо не знал, стал ли он готовить лучше, или Юй Ян стал покладистее.

Впрочем, это ведь хорошо? Он принял его стряпню, принял теперь свою жизнь в деревне Хуайлин.

Но он ещё не принял Тянь Яо.

Хотя они каждый день спали в одной постели, и иногда Тянь Яо засыпал у него на руке, Тянь Яо знал, что они — не как его папа с маленьким папочкой. Они не любили друг друга.

После обеда Тянь Яо заставил Юй Яна немного поспать, а сам прибрал в доме и вышел купить тофу. Сегодня был Малый Новый год и вечером нужно было готовить блюдо с тофу для подношения Богу кухни.

Тофу сегодня покупали многие, и семья дяди Ци работала не покладая рук, так что от них валил пар. Увидев Тянь Яо, они сказали:

— Сегодня некогда совсем. А вы ещё пишете парные надписи? Наши ещё не купили.

Тянь Яо было жалко Юй Яна, но раз дядя Ци попросил, он только и сказал, что Юй Ян ещё пишет.

Дядя Ци отрезал ему кусок тофу. Тянь Яо хотел заплатить, но тот наотрез отказался:

— Пусть твой муж напишет нашей семье надписи — и всё.

Тянь Яо принёс тофу домой. Юй Ян уже писал. Увидев, что Тянь Яо вернулся, он поманил его:

— Иди сюда, поможешь.

Тянь Яо положил тофу и подошёл к низкому столу:

— Чем я могу помочь?

— Растирать тушь. — Утром он и писал, и растирал сам, и это замедляло работу.

Тянь Яо вытер руки об одежду и взял тушь:

— Как это делать?

— Очень просто: обмакни в воду и растирай потихоньку.

В древности говорили «красный рукав добавляет аромата». А сегодня Тянь Яо чуть тушь не сломал от усердия.

Юй Ян пришлось схватить его за руку:

— Не надо так сильно давить.

Тянь Яо и так нервничал, а когда Юй Ян заговорил, он испуганно разжал пальцы. Тушь выскользнула и упала. Тянь Яо бросился её поднимать и перепачкал руку в туши.

Видно, не его это дело — возиться с этими мудрёными штуками. За такое короткое время, в такой холод, он весь вспотел.

Он отдал тушь Юй Яну:

— Лучше ты сам. — Сказал, облегчённо вздохнул и вытер пот со лба. — Я пойду дрова колоть.

— Да ты... — начал было Юй Ян, но не успел договорить.

Тянь Яо уже умчался.

И остаток дня Тянь Яо колот дрова, а на лбу у него красовалась клякса от туши. Он заметил её только вечером, когда зачерпывал воду. Он надул губы (редкость для него) и, потянув Юй Яна за полу, спросил:

— Почему ты мне не сказал!

Юй Ян в этот раз улыбнулся гораздо искреннее, чем все те улыбки, что Тянь Яо видел раньше:

— Я окликнул тебя днём, но ты очень быстро убежал.

Тянь Яо: ...

<http://bllate.org/book/17624/1640710>